

ББК 84-445
Ш 58

Коллекцию ведет
Евгений Головин

В издании коллекции участвуют
Сергей Жигалкин, Ирина Колташева

Шиллер Фридрих, Эверс Ганс Гейнц

Ш 58 Духовидец (Из воспоминаний графа фон О***) / Пер. с нем. Р. Райт, Е. В. Головина. – М.: Языки русской культуры, 2000.—384 с.

ISBN 5-7859-0184-6

Неоконченная повесть Фридриха Шиллера «Духовидец».

Вторая половина XVIII века – не только благодать Просвещения, это эпоха мрачных тайных обществ, орденов сомнительного египетского происхождения, исступленной веры в непременные ужасы загробного мира.

«Я увлеченно читал книгу, которую, как и всякий, кто в то время хоть сколько-нибудь был предан романтизму, носил в кармане. Это был Шиллеров “Духовидец”». Так вспоминает Э. Т. Гофман.

Знаменитый мастер черной фантастики Ганс Гейнц Эверс (1871—1943) рискнул продолжить и закончить «Духовидца». Этот писатель резко усилил жестокую безысходность повести. Обманы, разоблачения, неутолимая ревность, кошмар неразделенной любви. И над всем этим – inferнальные гримасы загробных инициаторов наших гибельных страстей и не менее гибельных иллюзий.

ББК 84-445

Фридрих Шиллер

ДУХОВИДЕЦ

Из воспоминаний графа фон О***

ЧАСТЬ I

Перевод Р. Райт

© Е. В. Головин. Перевод
второй части, 2000

Я хочу рассказать одну историю, которая многим покажется неправдоподобной, хотя почти вся она происходила у меня на глазах. Но для тех немногих, кто осведомлен о некоем политическом событии, этот рассказ (если только он застанет их в живых) послужит желанной разгадкой всего происшедшего. Для остальных же он станет если не ключем к тайне, то еще одной страницей в истории заблуждений человеческой души. Читатель будет изумлен дерзостью, с какой злодейство способно преследовать поставленную им цель, он поразится, сколь необычные средства изыскиваются для достижения этой цели. Чистая, строгая истина будет водить моим пером, ибо, когда эти строки увидят свет, меня уже не станет и ни вреда, ни пользы повествование это принести мне не сможет.

Возвращаясь в 1779 году в Курляндию, я посетил принца Александра в Венеции, в дни карнавала. С принцем мы встретились на военной службе и сейчас возобновили знакомство, прерванное заключением мира. Так как мне и без того хотелось осмотреть досто-

примечательности Венеции, а принц ждал только веков, чтобы вернуться в Германию, он без труда уговорил меня составить ему компанию и на время отложить свой отъезд. Мы решили не расставаться, куда продлится наше пребывание в Венеции, и принц был так любезен, что предоставил мне свои собственные апартаменты в «Мавритании».

Проживал он здесь в строжайшем инкогнито, потому что ему хотелось пользоваться полной свободой, да и скромные средства, выделенные двором, не позволяли ему вести образ жизни, соответствующий его высокому званию. Вся его свита состояла из двух дворян, на чью скромность он вполне мог положиться, и нескольких верных слуг. Он избегал пышности не столько из бережливости, сколько по складу своего характера. Он бежал светской суеты и, хотя ему было только тридцать пять лет, не поддавался никаким соблазнам этого рода наслаждений. К прекрасному полу он до сей поры проявлял полнейшее равнодушие. Более всего принц был расположен к серьезному раздумью и мечтательной грусти. В своих склонностях он был сдержан, но упорен до чрезвычайности; друзей выбирал осторожно и робко, но привязывался к ним горячо и навеки. В шуме и суете людской толпы он держался обособленно; погруженный в мир своих вымыслов, он часто казался чужим в мире действительном. Не было человека, который, не страдая слабостью, мог бы так легко поддаться чьей-либо власти. Он не знал страха и был надежным другом тому, кто сумел завоевать его доверие. И он мог с одинаковым мужеством бороться с каким-

нибудь укоренившимся предрассудком и умереть за то, во что верил сам.

Как третий по старшинству принц правящей династии, он не имел почти никакой надежды на престол в своей стране. Честолюбие никогда не пробуждалось в нем, и страсти его были направлены в иную сторону. Довольствуясь тем, что не зависит ни от чьей чужой воли, он и сам не испытывал искушения властвовать над другими. Спокойная свобода частной жизни и радость общения с умными людьми отвечали всем его желаниям. Он читал много, но без разбора: из-за небрежного воспитания и слишком ранней службы в армии он не стал духовно зрелым человеком. Все знания, почерпнутые им впоследствии, только усилили путаницу в его понятиях, которые не имели под собой твердой почвы.

Как и все в его роду, принц исповедовал протестантство скорее по традиции, чем по убеждению, так как он и не пытался проникнуть в сущность религии, хотя в известный период своей жизни увлекался религиозными мечтаниями. Масоном, насколько я знаю, он никогда не был.

* * *

Однажды вечером, когда мы с ним, по обычаю тщательно замаскировавшись, прогуливались по площади св. Марка, не вмешиваясь в толпу, — время было позднее, и толча стала меньше, — принц заметил, что нас упорно преследует какая-то маска. Неизвестный был в армянском платье и шел один. Мы ускорили шаги и

пытались сбить преследователя, неожиданно меня путь, но напрасно — маска неотступно следовала за нами.

— Уж не завели ли вы здесь какую-нибудь интригу? — спросил меня, наконец, принц. — Мужья в Венеции — народ опасный!

— Нет, я не знаком ни с одной из здешних дам, — ответил я.

— Давайте присядем и начнем беседовать по-немецки, — предложил принц, — мне кажется, что нас принимают за кого-то другого.

Мы сели на каменную скамью, ожидая, что маска пройдет мимо, но она направилась прямо к нам и опустилась рядом с принцем. Принц вынул часы и, вставая, громко сказал мне по-французски:

— Уже девять часов! Пойдемте. Мы забыли, что нас ожидают в Лувре.

Сказал он это только для того, чтобы сбить маску со следа.

— *Девять часов*, — медленно и выразительно повторил незнакомец на том же языке. — Пожелайте себе удачи, принц (тут он назвал его по имени). *В девять часов он скончался.*

С этими словами маска поднялась и ушла.

В изумлении смотрели мы друг на друга.

— Кто скончался? — спросил принц после долгого молчания.

— Пойдем за маской, — предложил я, — и потребуем объяснений.

Мы обошли все закоулки площади св. Марка — маски нигде не было. Разочарованные, вернулись мы в

нашу гостиницу. По дороге принц не сказал со мной ни слова, он шел поодаль, и, как он мне потом сознался, в душе его происходила жестокая борьба.

Только когда мы пришли домой, он снова заговорил.

— Какая нелепость, — сказал он, — что безумец двумя словами может так нарушить покой человека!

Мы пожелали друг другу доброй ночи, и, придя к себе в комнату, я отметил в своих записях день и час этого происшествия. Случилось это в четверг.

На следующий день принц сказал мне:

— Может быть, нам пройтись по площади святого Марка и поискать нашего таинственного армянина? Мне непременно хочется узнать развязку этой комедии.

Я охотно согласился. До одиннадцати часов мы бродили по площади. Армянина нигде не было видно. Четыре вечера подряд мы повторяли нашу прогулку, но по-прежнему без всякого успеха.

Когда мы на шестой вечер выходили из нашей гостиницы, я вздумал сказать слуге, — не помню, случайно или намеренно, — где надобно нас искать, если нас будут спрашивать. Принц, заметив мою предусмотрительность, наградил меня улыбкой. На площади св. Марка толпилось много народу. Не прошли мы и тридцати шагов, как я заметил армянина: он торопливо пробивался сквозь толпу, ища кого-то глазами. Только мы вознамерились подойти к нему, как к нам, захватившись, подбежал барон фон Фрейхарт, состоявший в свите принца, и передал письмо.

— На письме траурная печать, — добавил он, — мы решили, что оно не терпит отлагательства.

Меня словно громом поразило. Принц подошел к фонарю и начал читать письмо.

— Мой кузен скончался! — воскликнул он.

— Когда? — взволнованно перебил я его.

Он взглянул на письмо:

— В прошлый четверг, в девять часов вечера.

Не успели мы опомниться, как рядом с нами очутился армянин.

— Ваш титул известен, ваша сиятельство! — обратился он к принцу. — Торопитесь домой. Там вас ожидают посланцы сената. Примите без колебаний высокие почести, которые вам желают оказать. Барон фон Фрайхарт забыл вам сообщить, что ваши векселя были.

И он исчез в толпе.

Мы поспешили к себе в гостиницу. Все оказалось так, как сообщил нам армянин. Принца встретили три нобилия республики, чтобы с почестями проводить его в сенат, где уже собралась вся высшая знать города. Он едва успел беглым кивком дать мне понять, чтобы я не дожидался его прихода.

Вернулся он около одиннадцати часов вечера. Он вошел в комнату серьезный и задумчивый и, отпустив слуг, крепко сжал мою руку.

— Граф, — сказал он мне словами Гамлета: — «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

— Монсеньер, — ответил я, — вы как будто забыли, что сегодня отойдете ко сну с новой великой надеждой!

Покойный считался наследным принцем; он был единственным сыном нынешнего владетельного герцога, человека старого и больного, уже не имевшего надежд на продолжение рода. Между нашим принцем и престолом стоял только его дядя, тоже бездетный и не ожидавший потомства. Упоминаю об этих обстоятельствах только потому, что о них пойдет речь в дальнейшем.

— Не напоминайте мне об этом! — сказал принц. — Даже если бы корона уже сейчас принадлежала мне, я не стал бы думать о столь ничтожном обстоятельстве. Другие мысли занимают меня... Если только догадка армянина не простая случайность...

— Да возможно ли это, принц? — перебил я.

— ...то я готов сменить будущую свою корону на монашескую рясу, — закончил он.

* * *

На следующий вечер мы раньше, чем обычно, вышли на площадь св. Марка. Внезапный ливень заставил нас искать убежища в кофейной, где играли в карты. Принц стал за креслом какого-то испанца, наблюдая за игрой. Я прошел в соседнюю комнату и занялся чтением газет. Внезапно я услышал шум. До прихода принца испанец был в непрерывном проигрыше, теперь же он выигрывал на каждую карту. Игра круто изменилась, и понтирующий, осмелев от неожиданного поворота фортуны, уже грозил сорвать банк. Венецианец, державший банк, в оскорбительном тоне заявил принцу, что он приносит несчастье, и попросил его отойти от

стола. Принц только холодно взглянул на него, но не отошел; не тронулся он с места и тогда, когда венецианец повторил свои обидные слова по-французски. Полагая, что принц не понимает ни одного из этих языков, венецианец с презрительной усмешкой обратился к присутствующим:

— Скажите, господа, как мне объясниться с этим шутом? — при этом он встал и хотел взять принца за руку, но тот, потеряв терпение, крепко обхватил венецианца и с силой швырнул его об пол.

В зале поднялось волнение. Я вбежал на шум и невольно окликнул принца по имени.

— Берегитесь, принц! — необдуманно добавил я. — Ведь мы в Венеции!

При имени принца наступила глубокая тишина, потом послышался ропот, показавшийся мне опасным. Все итальянцы, сбившись толпой, отступили в сторону; наконец, все они покинули зал, где остались только мы оба да еще испанец и несколько французов.

— Вы погибли, ваша сиятельство, — говорили они, — вам надо немедленно уехать из города. Венецианец, с которым вы так сурово обошлись, знатен и богат, а убрать вас с дороги ему будет стоить всего лишь пятьдесят цехинов.

Испанец предложил позвать для охраны принца стражу и проводить нас домой. То же предлагали и французы. Мы стояли в раздумье, решая, что нам делать, как вдруг двери распахнулись и вошло несколько служителей государственной инквизиции. Они предъявили приказ правительства, где нам обоим пред-

писывалось немедленно следовать за ними. Под сильной охраной нас довели до канала. Здесь ожидала гондола, в которую нам пришлось сесть. Перед тем как высадиться на берег, нам завязали глаза. Нас повели по высокой каменной лестнице, потом по длинному извилистому переходу — над обширными сводами, как я мог заключить по гулкому эху, повторявшему наши шаги. Наконец, мы достигли второй лестницы и по двадцати шести ступеням спустились вниз. Мы вошли в зал, где с нас сняли повязки. Нас окружали почтенные старцы, одетые во все черное, стены скудно освещенного зала были занавешены черными сукнами, и в мертвой тишине, царившей в собрании, все это создавало страшное впечатление. Один из старцев, вероятно великий инквизитор, приблизился к принцу и с суровой торжественностью спросил, указывая на венецианца, которого подвели к нему:

— Признаете ли вы этого человека за своего обидчика в кофейной?

— Да, — ответил принц.

Старец обратился к задержанному:

— Тот ли это человек, которого вы намеревались убить сегодня вечером?

Пленник ответил утвердительно.

Тут круг расступился, и мы с ужасом увидели, как голова венецианца покатила с плеч.

— Удовлетворены ли вы? — спросил великий инквизитор.

Принц лежал в обмороке на руках своих провожатых.

— Ступайте! — грозным голосом продолжал старец, обращаясь теперь ко мне, — и впредь не судите слишком поспешно о правосудии в Венеции.

Мы так и не догадались, кто был тайный друг, спасший нас рукой правосудия от верной смерти. Оцепенев от страха, добрались мы до своего жилища. Полночь уже прошла. Камер-юнкер фон Цедвиц с нетерпением ожидал нас у крыльца.

— Хорошо, что от вас пришел посланец, — сказал он принцу, освещая нам дорогу. — Вслед за ним барон фон Фрайхарт принес с площади святого Марка известие, которое перепугало нас до полусмерти.

— Кого я посылал? — спросил принц. — И когда это было? Я ничего не знаю.

— Сегодня вечером, после восьми часов. Вы приказали передать нам, чтобы мы о вас не беспокоились, если вы несколько позже вернетесь домой.

Принц посмотрел на меня:

— Может быть, вы без моего ведома приняли эту предосторожность?

Но я решительно ничего не знал.

— Какое может быть сомнение, ваша сиятельность? — сказал камер-юнкер. — Вот ваши часы, посланные в качестве подтверждения. Принц схватился за карман. Карман был пуст, да и принц сразу признал свои часы.

— Кто их принес? — спросил он в недоумении.

— Незнакомец в маске и армянском платье, который тотчас же удалился.

Мы стояли и смотрели друг на друга.

— Что бы об этом скажете? — спросил принц после долгого молчания. — Видно, здесь, в Венеции, за мной тайно следят.

Страшные события этой ночи вызвали у принца горячку, уложившую его в постель на целую неделю. В течение этих дней нашу гостиницу наводняли и местные жители и чужестранцы, которых привлекла новость о высоком сане принца. Соперничая друг с другом, они наперебой предлагали свои услуги, и каждый изо всех сил старался привлечь к себе внимание. О происшествии в священной инквизиции больше никто не упоминал. Так как двор герцога выразил желание, чтобы возвращение принца было отложено, некоторые венецианские менялы получили распоряжение выплатить ему значительные суммы. Таким образом, он, сам того не желая, получил возможность продлить свое пребывание в Италии, и по его просьбе я также решил отложить свой отъезд.

Когда здоровье принца позволило ему выходить из дому, врач уговорил его совершить прогулку по Бренте, чтобы подышать свежим воздухом. Погода стояла ясная, и принц согласился. Только мы собрались сесть в гондолу, как он хватился ключика от небольшой шкапулки, где лежали важные бумаги. Мы немедленно вернулись и стали искать ключ. Принц ясно помнил, что сам запер шкапулку вчера и с той поры не выходил из комнаты. Но все поиски оказались напрасными, и нам пришлось отложить их, чтобы не терять времени. Принц, чья высокая душа никогда не таила подозрений,

сказал, что ключ, очевидно, потерян, и попросил нас больше об этом не говорить.

Прогулка выдалась отличная. При каждом изгибе реки перед нами открывались все новые и новые виды живописнейших берегов, один богаче и красивее другого; ослепительное небо напоминало в середине февраля о майских днях; прелестные сады и множество очаровательных вилл украшали берега Brenty, а за нами расстилалась величественная Венеция с встававшими из воды бесчисленными башнями и мачтами кораблей. Прекраснейшее зрелище в мире. Мы без раздумья отдались очарованию волшебницы-природы и пришли в превосходное расположение духа, и даже принц, потеряв свою обычную серьезность, состязался с нами в остроумных шутках. Выйдя на берег в нескольких итальянских милях от города, мы услышали веселую музыку. Она доносилась из маленькой деревушки, где шла ярмарка. Здесь собралось много разного народу. Группа юношей и девушек в театральных костюмах встретила нас балетной пантомимой. Это было совсем новое искусство, движения танцующих отличались легкостью и грацией. Но танец не успел окончиться, как вдруг главная исполнительница, изображавшая королеву, застыла на месте, словно ее остановила невидимая рука. Вокруг нее тоже все замерло. Музыка смолкла. Все ждали, затаив дыхание, а девушка стояла в оцепенении, опустив глаза в землю. Внезапно она выпрямилась, словно в порыве восторга, обвела всех пламенным взором. «Меж нами король!» — крикнула она и, сорвав с себя корону, положила ее... к

ногам принца. Все присутствующие обратили на него взгляды, недоумевая, — не таится ли в этой выходке какое-либо истинное значение: настолько все поддались искренней и страстной игре девушки. Наконец, тишину прервали громкие рукоплескания. Я посмотрел на принца. Он тоже, как я заметил, был немало поражен и старался избежать пытливых взглядов любопытных зрителей. Бросив юным артистам несколько монет, он поспешил выбраться из толпы.

Не успели мы пройти и двух шагов, как, отталкивая народ, к нам пробился почтенный францисканец.

— Господин, — проговорил монах, — удели Пресвятой Деве от своих богатств, тебе понадобится ее заступничество.

Он сказал это таким голосом, что мы растерялись, но толпа тут же оттеснила его.

Тем временем наша свита увеличилась: к нам присоединился английский лорд, знакомый принцу еще по Ницце, несколько купцов из Ливорно, немецкий пастор, французский аббат, с ним несколько дам, и русский офицер. В лице последнего было нечто примечательное, и он сразу привлек наше внимание. Никогда в жизни мне не приходилось видеть лицо столь характерное и вместе с тем безвольное, столь чарующе-привлекательное и в то же время отталкивающе-холодное. Как будто все страсти избороздили это лицо, а затем покинули его, — и остался только бесстрастный и пронизательный взгляд глубочайшего знатока человеческой души — взгляд, при встрече с которым каждый в испуге отводил глаза. Этот странный человек издали сле-

довал за нами, но, казалось, почти не принимал участия во всем, что происходило.

Мы остановились у палатки, где продавали лотерейные билетки. Дамы стали играть. Мы последовали их примеру. Даже принц спросил себе билетик. Он выиграл табакерку. Открыв ее, он вздрогнул и побледнел: в ней лежал ключ от шкатулки.

— Что же это такое? — спросил меня принц, когда мы ненадолго остались одни. — Меня преследуют какие-то высшие силы. Всеведущий парит надо мной. Какое-то незримое существо, от которого я не могу уйти, следит за каждым моим шагом. Нет, я должен отыскать этого армянина, я должен получить у него объяснение.

Солнце склонялось к закату, когда мы подошли к загородной ресторации, где ждал нас ужин. Имя принца привлекло к нам еще несколько человек, — теперь нас было шестнадцать. Кроме вышеупомянутых лиц, к нам присоединился музыкант из Рима, несколько швейцарцев и какой-то авантюрист из Палермо, в военной форме, выдававший себя за капитана. Было решено провести тут весь вечер и вернуться домой при свете факелов. За столом шла оживленная беседа, и принц, не утерпев, рассказал случай с ключиком, что вызвало всеобщее изумление. Поднялся жестокий спор. Почти все гости решительно утверждали, что таинственные явления чаще всего сводятся к простым фокусам; аббат, поглотивший немалую толику вина, вызывал весь мир духов на поединок; англичанин произносил богохульные речи; музыкант осенял себя крестным знаменем в защиту от дьявола; и только немногие, в

том числе и сам принц, стояли за то, чтобы не судить слишком поспешно об этих явлениях. Между тем русский офицер беседовал с дамами и, казалось, не обращал никакого внимания на окружающих. В разгаре спора никто не заметил, как сицилианец покинул зал. Примерно через полчаса он снова вошел, закутанный в плащ, и стал за креслом француза.

— Вы только что выказывали храбрость, предлагая помериться силами со всеми духами, какие есть. Так не хотите ли сразиться хотя бы с одним?

— Идет! — воскликнул аббат. — Если только вы возьмете на себя труд доставить его сюда.

— Всенепременно! — ответил сицилианец и, обратившись к нам, добавил: — Как только эти господа и дамы покинут нас.

— Почему же? — воскликнул англичанин. — Храбрый дух не испугается веселой компании!

— Я не ручаюсь за исход! — сказал сицилианец.

— Нет, нет! Ради бога, не надо! — закричали наши дамы, испуганно вставая с мест.

— Зовите-ка сюда вашего духа! — упрямо настаивал аббат. — Но предупредите его заранее, что клинки здесь достаточно остры. — При этих словах он попросил шпагу у одного из гостей.

— Воля ваша, — холодно проговорил сицилианец, — посмотрим, будет ли у вас к тому охота!

Тут он снова обратился к принцу:

— Ваше святейство, — сказал он, — вы утверждаете, что ключ ваш побывал в чужих руках. Не предполагаете ли вы, в чьих именно?